

Критика основных направлений буржуазной фальсификации истории гражданской войны и интервенции

Советской историографии гражданской войны и первого нашествия империалистов на Страну Советов противостоит литература по этой проблеме, вышедшая из-под пера наших идеологических противников. Она стала появляться сразу же с началом борьбы антибольшевистских сил против завоеваний Великого Октября. Большое влияние на нее оказали эмигрантские историки, нашедшие приют в Англии, США, Германии и других странах Запада. Так, только в США в начале 20-х годов, по приблизительным подсчетам, собралось около 30 тыс. русских эмигрантов — политических противников Советской власти, начиная от ярых монархистов и кончая представителями мелкобуржуазных партий. Это первое поколение белоэмигрантов издавало в США 22 газеты на русском языке, распространявшие злобную клевету на большевиков.

Лживые версии врагов молодого Советского государства, и прежде всего белоэмигрантского отребья, явились началом формирования буржуазной историографии гражданской войны и иностранной военной интервенции в Советскую Россию. Ныне на Западе насчитывается огромное количество книг и брошюр, в которых описывается борьба ярых врагов Советской власти с ее сторонниками в первые послеоктябрьские годы. Особенно много работ вышло в США и Англии. Историография этих стран оказывает большое влияние на советоведение в несоциалистическом мире. Весьма обширна, как по характеру, так и по содержанию, французская, западногерманская и японская историография.

За более чем 60-летний период своего развития буржуазная историография гражданской войны и империалистической интервенции, сложившаяся в этих странах, прошла сложный путь. На нее не могли не повлиять происшедшие и происходящие классовые битвы, которыми столь богат XX век, грандиозные успехи Советского государства и других стран социалистического содружества.

Буржуазные историки для придания видимости объективности и научности своих трудов стали более широко привлекать документальные источники, главным образом белогвардейские. Но даже подобная односторонняя документальная база в ряде случаев вынудила их отказаться от грубых антисоветских выпадов, прибегнуть к более тонкой и изощренной маскировке под якобы объективное изложение причин и характера Великой Октябрьской социалистической революции, отдельных событий из истории гражданской войны и интервенции.

В последнее время на Западе все чаще стали звучать призывы «по-новому интерпретировать хорошо известные события, используя новые или недостаточно привлекавшиеся до сих пор данные»².

Подобные рекомендации не прошли бесследно. Во многих работах, вышедших в последние годы, буржуазные советологи уже не ограничиваются анализом группировок, оказавшихся за бортом истории, а проявляют все больший интерес к причинам побед Красной Армии. При этом они начинают обращаться к исследованиям советских историков, а порой даже ссылаются на произведения В. И. Ленина и труды видных деятелей Коммунистической партии, правда интерпретируя их по-своему. Эти тенденции особенно харак-

¹ «ТЪе Ки881ап Кеуледу», 111у 1957, р. 46.

² Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972, с. 16—17.

терны для англо-американской историографии. И все же в целом современную буржуазную литературу о гражданской войне и интервенции в СССР следует рассматривать как логический результат развития и «усовершенствования» существовавших ранее представлений.

Из всего комплекса проблем истории первых лет существования государства: победившего пролетариата наши идеологические противники уделяют больше внимания вопросам, связанным с иностранной военной интервенцией в Советскую Россию. Современные западные советологи по-прежнему консервативны в оценке характера этой интервенции. Стремление уйти от классового анализа интервенционистской политики западных держав, скрыть ее антисоветскую направленность проявляется в трактовке буржуазными авторами причин и характера вторжения кайзеровских войск в пределы Советской республики. Наибольшее внимание этой проблеме уделяют историки Западной Германии.

Данная проблема освещается в западногерманской буржуазной историографии с различных точек зрения. Тон в ней задают реакционные историки, оправдывающие интервенцию кайзеровских войск в Советскую Россию, активно поддерживающие политику сторонников милитаризма и реванша.

Характерной тенденцией для западногерманской историографии является стремление изобразить агрессию империалистов Германии как один из эпизодов войны на восточном фронте¹. Резко затушевывается коренное различие между войной, которую вели центральные державы с Россией, находившейся в составе Антанты, и войной, навязанной германским империализмом Советскому государству в феврале 1918 г.

Большинство буржуазных авторов объясняют вторжение австро-германских войск исключительно стремлением вынудить большевиков подписать сепаратный мир². Эта версия позволяет скрыть общность цели двух империалистических группировок, суть которой заключалась в стремлении уничтожить первое в мире государство рабочих и крестьян. В работах западногерманских историков Г. фон Рауха, И. Неандера и других можно встретить прежние утверждения, будто германское нашествие позволило «восстановить порядок» в оккупированных областях и способствовало «возрождению самостоятельности» Украины и Прибалтики³.

Однако в ФРГ имеется другая, хотя и не многочисленная группа историков, осуждающих аннексионистскую политику кайзеровской Германии. Это, в частности, В. Баумгарт, Ф. Фишер, О. Грецер и другие, выступающие за нормализацию отношений с Советским Союзом. Так, О. Грецер в связи с 50-летием заключения Брестского мира справедливо отмечал, что агрессия кайзеровской военщины против Советской России, кабальные условия навязанного ей мира отрицательно сказывались прежде всего на судьбе самой Германии, так как эти условия «довлели тяжелым грузом на пути дальнейшего развития русско-германских отношений»⁴.

Откровенно профашистская трактовка политики германских и австро-венгерских империалистов не устраивает и представителей англо-американской и французской буржуазной историографии. В ряде работ, вышедших в этих странах, прямо указывается, что «германские правящие круги намеревались под прикрытием принципа национального самоопределения присоединить определенные территории уже не существовавшей Российской империи»⁵.

¹ М о Б п е г! К. Бхе БеШзсБеп ипй (Не 8олу]е'етепзсБеп.— «С>81;енгора», 1967, №. 10—11, 8. 851.

² Б Б е г т е г Б. \Уог1с1 ^Уаг I. БопДоп, 1973, р. 180; К Д 1 т а п з е ^ Р. Бей1-всЫапй ип<1 Дег Егз1е \Уел1,кпе2- ЕгапЫиП ат Мат, 1968, 8. 608.

³ О. УОП К а и с Б. Ое.чсЫеЫе Дог ЫаШзсБеп 81ааеп. 81ий\$аг1, Вег1т, Ко1п, Матг, 1970, 8. 46—48; М е а п й е г I. СгипДги^е Дег ги8В18сБеп СезсЫсЫе. Вагтз1ас11, 1972, 8. 216.

⁴ С т е г е г О. 50 1аЬге Вгез1-11лоузк. «В1Шег ййг Деилзсбе ипД т1егпайопа1е РолШк», 1968, Кг. 3, 8. 226.

⁵ Елеус1оресНа Вп1апшса, уо1, 23. СЫсадо — БопДоп, 1973, р. 737.

Такая позиция буржуазных идеологов во многом объясняется стремлением прежде всего оправдать интервенцию стран Антанты в Советскую Россию. Современная буржуазная историография утверждает, что эта интервенция была предпринята прежде всего, чтобы «восстановить Восточный фронт против Германии», «спасти чехословацкий корпус, который... большевики пытались уничтожить»

Эти наиболее распространенные ныне версии родились, как известно, еще в период подготовки интервенции и служили идеологическим прикрытием агрессии империализма против Страны Советов. Прибегая к ним, фальсификаторы пытались, во-первых, воздействовать на общественное мнение в капиталистических странах, чтобы воспрепятствовать усилению борьбы прогрессивных сил в защиту Советской республики, и, во-вторых, скрыть от народов России действительные намерения интервентов, представить их в качестве «защитников русского народа от немецкой опасности». Возникнув полвека назад, эти версии и сегодня продолжают оставаться одними из наиболее популярных в буржуазной историографии. Исключительно как «антияпонская» акция изображается американская интервенция на Дальнем Востоке². В свою очередь японские буржуазные историки стремятся оправдать интервенцию Японии, отводя ей роль пассивного участника, откликнувшегося на американское предложение³.

Тем самым буржуазная историография пытается умалить антисоветский характер интервенции международного империализма в Советскую Россию. Однако многочисленные факты, которыми располагают исследователи, вынуждают идеологических противников делать определенные уступки исторической истине. Для большинства работ буржуазных историков характерна тенденция выделять в интервенционистских действиях западных держав два периода, своеобразным рубежом между которыми они считают Компьенское перемирие, заключенное странами Антанты и австро-германским блоком 11 ноября 1918 года⁴. Сторонники этой концепции готовы признать, что союзники действительно воевали против Советской страны, однако их действия приобрели антисоветскую направленность якобы лишь после Компьенского перемирия, а до этого страны Антанты преследовали чисто военные, а отнюдь не классовые интересы.

Было бы наивным полагать, что политика правящих кругов империалистических стран в отношении Советской России могла измениться за один день. Эта политика, определявшаяся лютой ненавистью к первому в мире Советскому государству, сложилась сразу же с того момента, когда ее творцам стали ясны цели революции и характер создаваемого в ходе нее строя.

Для буржуазной историографии характерно также стремление преуменьшить масштабы интервенции. В большинстве работ, вышедших на Западе, утверждается, что у союзников не было ни средств, ни желания проводить интервенцию в таком масштабе, который был бы достаточным для того, чтобы разгромить большевиков⁵.

Подобные утверждения буржуазных фальсификаторов кроме игнорирования военной победы, одержанной Красной Армией над интервентами, пре-

¹ В г а (1 1 е у I. С т 1 \Уаг т КиззДа 1917—1920. БопДоп, 1975; К и Н т а п п К. 8<Ж)еlги51апсl. 8lгискlнг илД ЕпНаНиид етег ЛУеНгасЫ;. МипсБеп, 1969, 8. 194; 8 1 1- V е г П г Б 1 I. ТЪе Уш'бог'з ВНОтта. АlПесl lпlегуепl1ст Ш lЪе Киз8lап Слуп \Уаг, 1917—1920. Кеу Уогк, 1970.

² И п (е г Б е г д е г В. Атепса ЗДЪепап ЕхреДШоп 1918—1920. Кеу Уогк. 1969; К е п а 1 п О. ТЪе ШНеД 8lалез апД lЪе 8оуlеl l1шоп. 1917—1976,— «Роге^п Аlап-э». У. 54, N. 4, 1970.

³ К а д з и м а Мориносукэ. История японо-американских дипломатических отношений. На яп. яз. Изд. 2-е. Токио, 1964, с. 282—284.

⁴ В г 1 п к 1 е у О. ТЪе Уоlпlеег Агту апс! АШей lпlегуепlшп т 8оиlЪ Виззlа. 1917—1921. А 8lпсlу т lЪе РоlШсз апй Вlрlотасу оf lЪе Низзlап Сlуп \Уаг. 1969; В г а й 1 у 3. АШед lпlегуепlшп т Кl133lа. БопДоп, 1968.

⁵ К е п е з Р. Сlуп \Уаг т 8оиlЪ Виззlа, 1918. ТЪе Ркз! Уеар оf lЪе Уоlшlеег Агту. Боз Ап^еЪз. БопДоп, 1971, р. 260.

следуют и другую цель: представить интервенцию как «незначительную» и таким образом обелить международный империализм, скрыть его агрессивный характер.

Буржуазные советологи оправдывают политику интервентов на временно захваченной территории, пытаются доказать непричастность империалистов Антанты к массовым арестам и расстрелам советских людей, утверждая, что вина за злодеяния лежит исключительно на белогвардейцах. Что же касается командования интервентов, то оно было-де против подобных методов.

Стремясь реабилитировать международный империализм, некоторые буржуазные авторы договариваются даже до того, что интервенция западных держав в Советскую Россию была «выгодна большевикам». Так, английский историк Р. Лакетт пишет: «Интервенция в большей степени оказалась на руку красным, чем тем, кому она в действительности предназначалась, ибо вмешательство союзников в русские дела позволило большевикам придать внутренней борьбе в России новое, патриотическое звучание — войны с иностранным нашествием»

До недавнего времени на Западе было сравнительно немного работ, специально посвященных гражданской войне. Но в последнее время буржуазные историки заметно усилили разработку вопросов, связанных именно с ее историей. Вот как объясняет причину этого английский историк П. Кенез. Положение, считает он, при котором центральное место отводится анализу интервенционистской политики, чревато тем, что «у несведущего читателя может сложиться впечатление, будто эта война велась между русскими и не русскими... Возможно, красные и разгромили бы своих врагов быстрее, если бы у тех не было поддержки извне. Но вклад союзников в «белое дело» был слишком мал, и поэтому истории интервенции не следует уделять так много внимания, как это было до сих пор»².

Тем самым фальсификаторы стремятся отодвинуть на задний план проблемы, связанные с интервенционистской политикой западных держав, и затушевать роль международного империализма в разжигании гражданской войны в СССР. Но есть и другое обстоятельство, определившее усиление внимания к вопросам собственно гражданской войны. Идеологические противники хотят извлечь уроки из поражения белогвардейцев, найти неиспользованные ресурсы контрреволюции, с тем чтобы не допустить в дальнейшем повторения «русского эксперимента».

Характерным для их работ является искажение самого понятия «гражданская война». Например, историк Т. Эберт рассматривает гражданскую войну как «вооруженный конфликт между двумя или более группировками и партиями внутри государства с целью замены одной власти другой»³. Подобным определением гражданских войн буржуазные идеологи пытаются скрыть их классовую сущность и объяснить причину их возникновения стремлением какой-либо политической или религиозной группы к власти.

Фальсификаторы распространяют версию и о том, будто гражданская война является неизбежным следствием социалистической революции в любой стране, утверждение идей социализма может быть обеспечено только вооруженным насилием. Подобная точка зрения родилась, как известно, более полувека назад и связана с именем ренегата Каутского, клеветнически утверждавшего, что, дескать, «большевизм фатально привел к гражданской войне». Ныне, воскресив эту версию, буржуазные идеологи пытаются обвинить советских коммунистов в развязывании гражданской войны.

Одним из распространенных приемов, к которым прибегает буржуазная историография с целью фальсификации причин гражданской войны, является объяснение их с позиции «тоталитаризма». Победив в октябре 1917 г., утверж-

¹ Б и с к е И. К. Тье \УЫе СепегаБ. Ап АссомП о! Ые \УЫе Моуетеп! апД Ые ВязДап Ст1 Шаг. Бопйоп, 1971, р. 338.

² К е п е г Р. Ор. сН., р. 3.

³ Б е г г Т. Се\аШрегер АиБлпД. ГрелБиг§, 1968, р. 495.

дают идеологи буржуазии, большевики установили диктатуру пролетариата, противоречащую демократии. Установленная ими власть была «тоталитарной», она «не ограничивалась законом и опиралась на насилие» Они не желают признавать, что в России, когда против народа после победы социалистической революции объединилась вся внутренняя и внешняя контрреволюция, нечего было и думать о соблюдении норм формальной демократии. Враги революции не соблюдали никаких законов, использовали все средства, чтобы попытаться свергнуть Советскую власть. Ограничения формальной демократии были неизбежны ради сохранения фактической социалистической демократии. Но даже и эти ограничения вызваны не «тоталитарной» природой диктатуры пролетариата, как уверяют противники социалистической идеологии, а острой классовой борьбой. Для подтверждения версии о «тоталитаризме» они ссылаются на факт роспуска Учредительного собрания, вызвавший якобы «протест широких слоев народных масс». Эта акция, пишет западногерманский историк Г. фон Раух, дает повод «рассматривать большевистский режим как узурпаторский, не считающийся с суверенными правами народа»². Но при этом буржуазные советологи совершенно сознательно умалчивают о той контрреволюционной роли, которая отводилась Учредительному собранию международной реакцией в планах ликвидации завоеваний Великого Октября.

Большое место для доказательства «тоталитарной» политики большевиков, которая, по мнению идеологов империализма, в конечном счете привела к гражданской войне, занимает тезис о «красном терроре». Утверждая, что «красный террор» начался якобы сразу после захвата власти большевиками, буржуазные фальсификаторы клеветнически пишут о «массовых арестах и расстрелах коммунистами» не только представителей буржуазии, но и всех, кто хоть в какой-то мере был не согласен с мероприятиями, проводимыми в стране³.

В основном не претерпело существенных изменений отношение современных советологов к белогвардейскому лагерю. Они, как и их предшественники, продолжают симпатизировать «белому делу». Буржуазные авторы по-прежнему пытаются представить белогвардейские войска в качестве «национального русского сопротивления», а отдельных белогвардейских генералов «либералами», «людьми высоких идеалов», «борцами за Россию» и т. д.⁴ Апология лидеров внутренней контрреволюции особенно характерна для работ западногерманских и французских буржуазных историков. В представлении, например, М. Грея и Ж. Бурдые «население не питало никакой антипатии к антибольшевистскому движению»⁵.

Что касается работ английских и американских историков, то в них стала реже встречаться прямая апология белогвардейщины. В ряде изданий отмечается ограниченность и даже глупость лидеров контрреволюции. Не скрываются также факты террора и насилия белогвардейцев. Однако в этих случаях обязательно делается попытка «смягчить» это ссылками на то, что зверства и грабежи осуществлялись главным образом «озлобленными офицерами и солдатами» вопреки приказаниям сверху⁶.

Значительное количество работ, вышедших на Западе, посвящено борьбе буржуазных националистов против Советской власти. В работах американских историков А. Парка, Р. Пайпса и других эта борьба изображается как национально-освободительное движение народов России против «колониаторской» политики Москвы. Затушевывая противоположность классовых интере-

¹ Аген Л. (Н. Оп Ушленсе. Кеу Уогк, 1962, р. 47.

² С. УОП Н а н с Б. Се8ЫсБ1е Йег 8олу)Е1ИШОП. ^езЪайеп, 1970, 8. 91.

³ ГЪШет.

⁴ Р1ет1п8Р. ТЪе Gale о! Аапгал КолСбак. Кеу Уогк, 1963, р. 112; В г I п к 1 е у О. ТЪе Уолип1еег Аггу ап<1 АШей 1п1егуепПоп т 8ои(,Ъ Вив81а 1917—1921. Ор. сП., р. 292; Н а п 1 в с Б. Е. Сев8ЫсМе 8о\у^еггив1ац{18. 1917—1941. ПреШиг^, 1951, 8. 24.

⁵ С ге у М. е (Вои г с Нег 1. Бев агтёев ЫапсБев. Рапе, 1968, р. 287.

⁶ К е п е г Р., Ор. сН., р. 210.

сов эксплуатируемых и эксплуататоров внутри нацменьшинств, А. Парк расценивает националистическую контрреволюцию, и в частности «кокандскую автономию», борьбу басмачей против Советской власти, как воплощение идеалов национально-освободительного движения в Туркестане, под знаменем которого будто бы сплотились широкие народные массы Ч. Р. Пайпс, характеризуя процесс установления Советской власти на Украине в январе 1918 г., утверждает, что правительство большевиков держалось там исключительно «на военной силе», не пользовалось никакой поддержкой и даже сочувствием украинского народа². В изображении французского историка Р. Гошера на занятых контрреволюционными бандами Махно и Петлюры территориях торжествовали принципы братства и равенства. «Деревни встречали их хлебом-солью, звонили церковные колокола»³. Все это является чистейшим вымыслом, злобной клеветой.

Много внимания буржуазная историография уделяет освещению причин поражения контрреволюционных сил. Анализируя эти причины, буржуазные советологи отрицают объективную закономерность победы Советского государства над интервентами и белогвардейцами. Большинство своих концепций они строят на основе антинаучного тезиса о «пассивности» народных масс в гражданской войне, согласно которому война якобы представляла собой противоборство политических группировок за власть при общей «апатии» народа, стремившегося держаться в стороне от развернувшихся событий. «После войны и революции,— пишет западногерманский автор К. Штрем,— русский народ находился в состоянии апатии. Поэтому в гражданской войне принимала участие лишь его незначительная часть. Общая апатия была на руку тем, кто добивался укрепления своего господства радикальными методами, то есть большевикам»⁴.

Подобные ложные утверждения призваны затуманить народный характер гражданской войны против контрреволюционных сил, поставить под сомнение один из решающих факторов нашей победы — союз рабочего класса и трудового крестьянства, выкованный Коммунистической партией.

Разрабатывая версию о «пассивности» народных масс в гражданской войне, буржуазные историки выражают сожаление по поводу того, что руководители антисоветского движения, не поняв важности решения большевиками аграрного вопроса, не сумели завоевать поддержку русского крестьянства. Следует отметить, что подобные суждения выражали в свое время и эсеро-меньшевистские историки, будучи убежденными в том, что именно в отказе от решения аграрного вопроса заключалась главная ошибка белого движения. Однако могли ли лидеры контрреволюции рассчитывать на поддержку трудовых слоев деревни, преследуя своей целью восстановление буржуазно-помещичьих порядков в России? Стремление реставрировать помещичье землевладение отталкивало от контрреволюции даже зажиточных крестьян. В связи с этим лишены всякого смысла суждения некоторых буржуазных историков по поводу «ошибок» белогвардейцев в аграрном вопросе. В действительности это были не ошибки, а целенаправленная политика, которая полностью соответствовала интересам буржуазно-помещичьего блока.

К числу «ошибок» и «просчетов» внутренней контрреволюции буржуазные историки относят также недооценку лидерами белогвардейщины необходимости выработки четкой программы, которая отвечала бы «надеждам народных масс России». В их работах утверждается, что ошибка Колчака и Деникина заключалась в том, что они не сочли нужным привлечь для выработки идеологической и политической программы гражданских политических деятелей. Сами же белогвардейские генералы, будучи людьми сугубо военными, не обладали

¹ Р а г к А. ВобьЕудэт ш Тигкелан, 1917—1927. Иеу Уогк, 1957, р. 22.

² Р 1 р е з В. Тье РогтаНоп о! Ые Соуле1 11шоп. Соттишэт апй КаНопаНэт, 1917—1923. СатЪгШ&е, 1968, р. 126, 192.

³ О а н с Б е г В. Б'оррозШоп ен И. К. 3. 8. 1917—1967. Райз, 1967, р. 22.

⁴ 8 I г б Б т С.— О. Уош ХагентсБ гиг 8о\у^е1гасЫ. Визлапсл 1917 Ыз 1967. ОиззеЫой — К61ц, 1967, 3. 22.

нужными политическими познаниями¹. Аналогичной точки зрения придерживаются Г. фон Раух, Г. Штекль и др.².

Буржуазные историки не ставят под сомнение саму возможность выработки белогвардейцами позитивной программы. Но такая программа не могла быть предложена ими, ибо цели белогвардейцев носили ярко выраженный реакционный характер и были направлены своим острием именно против интересов народных масс, на реставрацию буржуазно-помещичьего строя, против которого и выступали трудящиеся России.

В работах многих буржуазных авторов можно встретить сожаление по поводу того, что в лагере контрреволюции не было единства. По их мнению, «ошибкой», в результате которой белогвардейские лидеры потерпели поражение, явилось прежде всего то, что они «пожертвовали консолидацией своих рядов ради немедленных военных побед»³.

Констатируя наличие серьезных разногласий в рядах белогвардейцев, буржуазные историки, как правило, фальсифицируют причины этих разногласий, видя в основе их такие субъективные моменты, как «вспыльчивость», «личная неприязнь» отдельных лидеров друг к другу и т. п. Однако уже сама историческая обреченность «белого дела», его антинародная сущность объективно не могли способствовать консолидации сил контрреволюции.

Буржуазная историография прилагает все силы к тому, чтобы свести на нет роль решающего фактора победы в гражданской войне — руководство Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным. Умаление ее руководящей роли в организации обороны Советской республики лежит в основе широко распространенной на Западе концепции «изолированности» партии от масс, из которой-де следует, что партия большевиков не могла быть руководящей силой, ибо стояла якобы «в прямой оппозиции народу»⁴.

Однако в последнее время многие буржуазные историки стали писать о монолитности и сплоченности защитников Советской власти, о роли Коммунистической партии в достижении победы над врагом. Оценивая деятельность партии в годы гражданской войны, они подчеркивают, что руководство у большевиков было куда более «энергичным и гибким», чем у противника⁵. Отмечается также большая роль партийных и комсомольских кадров в создании Красной Армии и руководстве боевыми действиями⁶.

В буржуазной историографии грубо искажается руководство В. И. Ленина борьбой народных масс против интервентов и белогвардейцев. В ней отрицается огромная, поистине титаническая деятельность В. И. Ленина по созданию Красной Армии, его роль в разработке важнейших стратегических операций, в решении крупных политических и экономических проблем, стоявших перед страной. Но в последние годы ряд зарубежных авторов под воздействием неопровержимых фактов, постоянной и систематической критики со стороны марксистских историков начинают делать определенные уступки исторической истине, более объективно писать о В. И. Ленине как руководителе борьбы с интервентами и белогвардейцами. В некоторых работах подчеркивается, что В. И. Ленин был непревзойденным политиком, осуществлявшим контроль за решением всех наиболее сложных проблем, возникавших перед большевиками, являлся, по-существу, «штабом, состоявшим из одного человека»⁷. Однако, признавая гений В. И. Ленина, буржуазная историография стремится представить его талантливым руководителем-одиночкой, действовавшим в отрыве от партии.

¹ 8 1 1 V e r 1 1 в Б I ТЪе \Чсlor'з БПетта, р. 2.

² О. УОП Н а и с Б. СезсЫсЫе Йег 8o\У}e(ишоп, 8. 138.

Н и с к е И К. О р. ей., р. 338.

⁴ А Б г а т о У 1 1 с Б К. ТЪе КеВоли«оп, 1917—1939. Уогк, 1972, р. 124.

⁶ Б и к е з Р. А Шзкогу о! Ки881а. МосПеуа1, Мойегп, Ооп1етрогагу. Боп(лоп, 1974.

⁶ Б и с к е И К. О р. ей., р. 242.

⁷ Е г 1 к 8 о П 1. Бешп аз С1уП \Уаг Беайег,— «Бешп. ТЪе Мап, 1Ъе ТЪеопз!, те БеаДег». Бопслоп, 1967, р. 159; Б и с к е И К. О р. ей., р. 242—387.

Противники коммунистической идеологии по своему интерпретируют Красную Армию, разгромившую войска интервентов и белогвардейцев, ее героизм, проявленный в защите Родины. Стремясь дискредитировать ее в глазах своих читателей, буржуазные советологи утверждают, будто Красная Армия состояла в основном «из деклассированных элементов», искателей приключений, то есть всех тех, кто был «выброшен на улицу в результате крушения старого строя»¹. Тем самым они отрицают классовый, народный характер Красной Армии как один из основных источников ее побед.

В буржуазной историографии грубо искажается назначение Красной Армии. Исходя из пресловутого «экспорта революции», западногерманский историк Э. Прук, например, считает, что со времени Октябрьской революции Красная Армия была призвана служить «внешнеполитическим исполнительным органом», который военными средствами мог бы содействовать достижению политических целей².

Рассмотрение основных направлений буржуазной историографии по истории гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР показывает, что буржуазные историки США, Англии, Франции, Западной Германии и других стран при всех различиях и нюансах в их позиции дают в целом искаженную картину основных событий этой войны. Концепции, выдвигаемые буржуазными историками по данной проблеме, складываются под сильным воздействием господствующего на Западе антикоммунизма и антисоветизма. Произвольно комбинируя приемы изложения отдельных событий, буржуазные авторы уходят от широких обобщений и политических выводов, которые неизбежно вытекают из самого факта победы советского народа над объединенными силами международного империализма и внутренней контрреволюции.

Именно поэтому советские историки видят свою задачу в том, чтобы, продолжая позитивную разработку проблем истории гражданской войны и империалистической интервенции, сочетать ее с критикой теорий и концепций, исповедуемых буржуазной историографией.

¹ К г и г Ы п Р . Бешп апй 1Бе 8oV1e1 Агтей Рогсез.— «81и(Пев оп 1Бе 8<те1 Итоп», МйпсБеп, УО1. X, 1970, р. 29.

² Р г и с к Е . РипЫд 1аЬге Кале Агтее. ВелгасЫип8еп гит Сейапкеп ёег 8оиде1з1-геИкгаПо (27 Ребггаг 1968).— «\УеЬгкшн1е», 1968, 8. 64.